

УДК 821:81'27
ББК 83.0:81.001.2
Ч 18

Чанкаева Т.А.

Доктор филологических наук, профессор РГБУ ДПО «Карачаево-Черкесский республиканский институт повышения квалификации работников образования», Черкесск, e-mail: tchankaeva@mail.ru

Мифологический концепт «вода» в поэзии С.Есенина и карачаевских авторов

(Рецензирована)

Аннотация:

Впервые предпринимается попытка рассмотреть использование базового концепта «вода» в творчестве русского поэта и карачаевских авторов. Цель — представить мифопоэтику обозначенных поэтов. Материалом исследования послужили тексты анализируемых авторов, работа основана на сравнительно-сопоставительном изучении литератур, корреспонденции языка и национальной культуры в их взаимодействии. Доказывается, что концепт «вода» является элементом мифопоэтики и составляет концептосферу разных культур. Установлено, что акваобразы несут в карачаевской поэзии фольклорные элементы, сюжетные мотивы, наполненные национальной спецификой, а данный концепт является ведущим для анализируемых поэтов. Результаты имеют теоретическую значимость и заключаются в том, что такой подход может быть перспективой для понимания поэзии С.Есенина и национальных лириков, открытия нового в изучении мифопоэтики.

Ключевые слова:

Концепт «вода», мифопоэтика, мифологема, художественный символ, констатация, поэт, стихотворения, акваобраз, лирический герой, топонимы, цвет, ментальность, языковые средства.

Chankaeva T.A.

Doctor of Philology, Professor of Karachay-Cherkess Republican Institute of Advanced Training of Education Workers, Cherkessk, e-mail: tchankaeva@mail.ru

Mythological concept of water in poetry of S. Esenin and Karachay authors

Abstract:

For the first time, an attempt is undertaken to examine the use of the basic concept of water in the work of the Russian poet and Karachay authors. The purpose is to present the mythopoetics of designated poets. The data of the study was taken from the texts of the analyzed authors. The work is based on a comparative study of literature, correspondence of language and national culture in their interaction. The author proves that the concept of water is an element of mythopoetics and constitutes a sphere of concepts of different cultures. The study reveals that water images in Karachay poetry carry folklore elements, story motives filled with national

specificity, and this concept is the leading for analyzed poets. The theoretical significance of the obtained results lies in that such an approach can be promising for understanding poetry of S. Esenin and national lyrics, and for the discovery of new knowledge in the study of mythopoetics.

Keywords:

Concept of water, mythopoetics, mythologeme, artistic symbol, statement, poet, poems, water image, lyrical hero, toponyms, color, mentality, language means.

В мифологических и философских системах древности концепт «вода» составляет одну из основополагающих природных стихий, исполняющих жизненно важные функции. В научном дискурсе концепт - это «понятие, погружённое в культуру» [1: 39]. Традиционно вода – необходимое составляющее физического исцеления, нравственного очищения. Уже в архаическом мышлении вода была важным элементом магических обрядов, назначение которых метафизическое - изгнание «темных сил», злых духов, негатива, порчи с тела и духа живых объектов. Действительно большинство ритуалов в мировой «водной культуре» производятся непосредственно с водой, начиная с рождения человека и заканчивая, когда его моют перед похоронами, а также магические свойства воды используются для купания, а также омовения перед молением. В этой связи вода - символ очищения, отсюда все церемонии имеют символическое значение [2: 240].

Переходя к анализу проблемы «гидромотивов», отметим, что водное пространство как часть земли российского локуса в поэтическом сознании приобретает особое значение. Сошлемся на опыт поэта С.А. Есенина, крестьянская философия которого была близка горским лирикам. Так в мифопоэтике С.А. Есенина вода – символ жизни, чистоты, и связана она с идеями, образами и цветоименованиями. Стихия воды в поэтическом мире обретает сакральный смысл, и как культурный и художественный символ занимает значительное место. С такой концепцией встречаемся в есенинских «Ключах Марии» (где автор

высказался, что «вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня»), а также в поэмах «Пришествие», «Анна Снегина», «Пугачёв», стихотворениях «Москва кабацкая», «Поэтам Грузии», «Край любимый!», «Песня о собаке», «Стансы», «Баллада о двадцати шести» и др. Когда С. Есенин впервые попал на Кавказ, он воспринял горную вертикаль по контрасту с привычной для него с детства пространственной горизонталью. Бурные, шумно текущие реки у С. Есенина стали «дикие» («На Кавказе»), искромётные («Поэтам Грузии»), кроме того включался в поэтический текст разлив реки или описывалась водная гладь – всё связано с родиной.

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных* [3].

В определённом смысле автор представляет читателю, как у воды совершаются обряды и ритуалы («За рекой горят огни...», «Зашумели над затоном тростники...» и др.). Вместе с тем, образ моря выступает и как географический объект, и как метафорическая эмблематика в таких стихотворениях Сергея Есенина, как «Баллада о двадцати шести», «Капитан земли», «Батум» и др., а в его «Письме к женщине» концепт дополняется ещё корабельно-морским мотивом [4]. Заметим, что образ моря представлен в стихотворениях А. Суюнчева «Мальчик и море», «Слушаю море», «Морская раковина», «Талисман», М. Батчаева «Море Чёрное сучает», «До свиданья, Море!».

Следует отметить, что картина мира С. Есенина, в которой присутствуют акваобразы, передаёт авторские ассоциации, определённую цветовую гамму, экспрессивность

образа, выражает душевный мир поэта, а также отмечена использованием многочисленных метафорических названий.

В переключке разных культур, их поэтическом диалоге можно увидеть определенную новизну в постановке рассматриваемой проблемы. Горцам Кавказа свойственно архетипическое мышление, зависящее от высоты, для них горная вода – низина, водный поток на дне пропасти, живительная влага и вместе с тем разрушительная стихия. Мотив воды в концептуальной системе горцев связан с фактором вертикали. Примечательно, что в целостном контексте творчества национальных авторов стихия воды занимает важное место. У каждого из поэтов свое представление о водной стихии (важный для горцев концепт) и в создании акваобразов используются свои художественные краски.

В поэзии Керима Отарова, по мысли исследователя Е.Жабоевой, в изображении природных образов явно ощущаются традиции Сергея Есенина, и, действительно, у них типологически близкие мотивы. Свойство воды как очищающей, гармоничной силы бытия, красоты и любви символически представлено в прекрасном стихотворении Кайсына Кулиева «Женщина купается в реке», созданном на карачаево-балкарском языке (в оригинале приём аллитерации «водного», шумного звука «у» усиливает воображение), а в переводе Наума Гребнева на русский язык оно ещё обрело дополнительную жизнь. Архетип воды вошёл в «Индийский цикл», цикл «Стихи-стрелы» Алима Кешокова (близкого друга и собрата по перу К. Кулиева) и другие поэтические произведения и пластично «перетёк» в образ-символ. Поэтам К.Кулиеву и А.Кешокову, как нам видится, свойственно философское осмысление жизни природы, воплощение поэтического сознания, характерного горцам. Кроме того, если говорить о литературных взаимосвязях, то

стихотворение «Мать принесла воды из родника» К.Кулиева ассоциируется со стихотворением «В горнице» Н. Рубцова (продолжателя есенинских традиций).

Амбивалентный образ воды составляет часть природного космоса, типичен для нартского эпоса и, обретя символическую оболочку, вошёл в сюжетное поле лирики карачаевского поэта Азамата Суюнчева. Непокорная водная стихия в поэзии А.Суюнчева («Море», «Бусы Кубани», «Водопад», «Махарский нарзан», «Родник на дороге», и о водопаде «Песенка о Гондарае», «Водопад») выступает олицетворением вечного движения жизни, вызывая в лирическом герое стремление к свободе [5]. В художественном видении А.Суюнчева горные реки Кубань и Теберда, сливаясь, блестят жемчужными струями, горшнями раскидывают капли воды словно бусы (брызги) («Моему городу Карачаевску») – отметим экспрессивный синтаксис. В этом и в следующем стихотворении под названием «В Каменноосте» топонимы выполняют роль этнического знака; антитеза строится так: когда река Кубань бурлит под мостом в теснине скал, поэт называет ее необъезженной, дикой, как зимний буран; когда же растекается и спокойно течет по простору ущелья, то зеркальна гладь её поверхности – необычная метафора писателя. Мифологема воды олицетворяется, например: «речек говор», родник «серебряные слёзы...роняет», озеро «бросает вызов горной полутьме», водопад «рычит как зубр» и даже «поет и пляшет».

Осмысление пейзажного пространства главным образом связано с народной мифологией, к примеру, стихотворение А.Суюнчева «Моление у спящей реки», построенное на мифо-мотиве – притче, которая содержит мысль, что если человек увидит реку спящей, то молитва, произнесенная у стоячей воды, обязательно исполнится. И, увидев спящую реку в статике (как кажется

лирическому герою), он обращается к ней с мольбою, чтоб она смыла с земли Кавказа раздоры и утвердила мир на земле. Вспомним у кабардинского прозаика Х.Бештокова в романе-мифе «Каменный век» картину, когда вокруг всё «материализуется и одушевляется», и то, как реализуется мифологема воды: *Река течёт в небо./ Деревья купаются, стоя по колена/ В воде./ Рыбы сидят на ветках./Беседуя, загорая на солнце* [6: 84], как очевидно, во многом перекликаясь с поэтикой постмодернизма.

В стихотворении А.Суюнчева «Белая лебедь на синей волне» невозможно не ощутить семантику чистоты, не увидеть поэтической игры с цветовой символикой. В мифопоэтике опорных образов строфы автор задаёт цветовую тональность, основанную на контрасте, а финал - оптимистичную интонацию. Продолжая наблюдения, отметим, что карачаевский автор особенно любит озера: «Кара-Кёль», «Тамбий-Кёль», «Хурла-Кёль», «Туманлы-Кёль», «Озеро с зеркальным дном» и т.д. Так в стихотворении А. Суюнчева «Земля моя» выражена тесная связь природы и родины. Лирический герой восхищен красотой родной земли, её образами и красками: *Влей в душу мне, Земля моя, озера светлые,/Дай стройных сосен голубую прямоту,/Чтоб отразить я мог в душе,/Хрустальном зеркале, - /Тебя, Земля, твою земную красоту* («Земля моя»). В стихотворении «Туманное озеро» лирический герой воспринимает озеро как живое существо: лицо, улыбка, голубые глаза. Описывается утро, когда озеро еще охвачено туманом, окутано дымкой, и, как живое существо, будто не спешит открыть глаза; этим автор смог создать впечатление таинственности. Озеро поэтизируется, оно подобно человеческим глазам, хвойные иглы ассоциируются с ресницами – природа воспринимается как живая. В горах у озера испытываешь именно такие ощущения, и поэту

удаётся это передать с особой точностью. Как видно из приведённых примеров актуализации концепта из стихотворений А.Суюнчева, можно утверждать, что автор влюблён в национальную образную систему и этническую стилистику.

По нашему убеждению, Назир Хубиев большое значение придает образу воды - это «образное выражение идеи национального пространства» - река, ручей, озеро, водопад, родник (подземный природный объект). Например, однопорядковые стихотворения поэта, посвящённые водным образам: «Водопад», «В балке маленький ручей», «Облака», «Горная речушка»: *Рожденная под облаками/Из уст хрустального ключа,/Ты на бегу целуешь камни/И мчишься дальше, хохоча* [7].

Для поэта Н.Хубиева река Азгек – в его образном представлении - река детства, она, несмотря на время, ничем не замутнена и глядит «доверчивым ребенком».

Вдали от гор я повидал под небом

Немало добрых и глубоких рек.

Ты пахнешь детством, молоком и хлебом,

И первыми цветами, мой Азгек!

«Река Азгек» Перевод Ф. Чуева.

Выбранные единицы речи, по видимому, когда к реке обращается лирический герой: *Ты пахнешь детством, молоком и хлебом,/И первыми цветами*, определены мотивами. В ходе анализа нами также выявлено, что в стихотворение «Белая речка» речь идёт о звенящей, пляшущей летом и зимой быстрой речке, её «серебро воды» издаёт звуки национальной гармонии – кобуза, воды вобрали в себя запахи снегов и разнотравья, ярких цветов: *Всё рокошет в тишине/ Маленькая речка./ Снятся детям при луне /Белая овечка*. И более того, коннотативные слова-реалии имеют особенные дополнительные значения, основанные на национально-художественных и этно-культурных традициях.

Действительно, в стихотворении Назира Хубиева «Домбай» представлены живописные картины природы родной земли: домбайские вершины с вечными снегами, стремительные реки, разнообразные травы, горные цветы и чистый воздух. Здесь соединяются многие тропы друзей и гостей, всех их согревает костер дружбы.

В поэме М. Батчаева «Веление века» вторая глава «Кубань» посвящена реке, в шум которой поэт был влюблён с детства, и «река была наш самый добрый друг», которой он произносит восторженные слова: *Поклон родной реке!...Я ничего, Кубань, не позабыл./А впредь забыть и вовсе не успею./И оттого прошу я для себя/ Лишь об одном: в мой час успокоенья/Будь доброю ко мне, моя судьба./Дай слышать шум моей реки теченья.*

Вместе с тем, мифопоэтика непогоды формируется в выражении мотива дождя, другими словами это «верхняя вода», вертикальный поток, льющийся с неба – визуально-образная пейзажная картина дождя представлена в стихотворениях С.Есенина («Заглушила засуха засева», «О, муза, друг мой гибкий...» и др.).

Необходимо обратить внимание на то, что у Муссы Батчаева дождь в стихотворении «Дождь пошёл», несомненно, выступает фоном, и концепт передаёт душевное состояние, вызванное искренним чувством первой любви, которая «явилась гостьей долгожданной». «Дождь пошёл...» и «Взор твой синеокий/Погрустнел нежданно», героиня не допела песню, взгрустнула, и лирический герой хочет:

Пусть проснётся песня
На твоих устах!
Видишь из долины
Прочь ползут туманы;
Слышишь, дождь по крыше
Танцевать устал.

Далее можно заметить, что в следующем философском восьмистишии М. Батчаева - детали дождя

аргументируют замысел и, подчёркнутом, передают чистоту помыслов: *Словно слёзы чисты/ Капельки дождя./Окна мои чистят./По стеклу скользят./Капелькою грустной/ Стать бы мне одной/ И смыть без устали/Грязь с земли родной [8: 288].*

Итак, вода в виде дождя символизирует очищение, а также освежение воздуха и покрова земли. Дождь - «небесную воду» - ждут герои с молитвой, прося проявления божьей милости – эти трансформации присутствуют и в русской, и в горской ментальности. Мифологема дождя и для С.Есенина, и для К.Кулиева, Н.Хубиева и других. олицетворяет живительные силы неба, омовение земли водными струями – позитивная коннотация.

Показательным является, что по возвращении на родину после выселения народов особую выразительность в поэзии балкарцев, карачаевцев (К.Кулиева, И.Семёнова, А.Суюнчева, Н.Хубиева и др.) играл мотив воды, который для лирического героя нес дополнительную значимость, связанную с генетической памятью, надолго в изгнании сохраняющей вкус, запах воды родного края. Тем не менее, необходимо отметить одну особенность, что акваобраз задавал в поэтическом тексте тональность, помогающую национальному автору передавать рефлексию, радостное ощущение вновь обретённой родины и, соответственно, чувство дома, родного очага.

Итак, с учётом вышеизложенного мы определили, что категория «вода» в культурном контексте входит в круг основных природных стихий. Мифопоэтический образ воды в контексте мировидения является константным для лирики и эпики. Водные источники, типичные для эпоса, приобретают как в русской, так и в горской поэзии А. Суюнчева, Н. Хубиева, А.Акбаева символично-патриотическое звучание, становятся в один ряд с наиболее

сокровенными для творцов понятия-ми и реликвиями.

Наблюдения показали, что у карачаевских поэтов явно ощущается специфика мифо-эпического сознания, чётко выражен водный метакод, присутствует культовое отношение к акваобразам и прилегающей к воде территории земли. Вода в поэтических текстах, кроме рек, озёр, родников, моря, представлена в виде снега, дождя, ледника, лавины и т.д. Современный подход к изучению мифопоэтических корней водных образов, наконец, даёт основание утверждать родство художественной палитры национальных поэтов с народно-эстетическим логосом, их связи с формами архаического художественного мышления.

Показательно, что для ряда карачаевских авторов характерно творческое освоение русской литературной традиции (в частности, С.Есенина), поэтов объединяет творческое мышление, во многих случаях типологически близки новаторские поиски, философские мотивы, синтез мифо-фольклорного и социального, национальный дух, а в художественном плане – образные природные константы, использование выразительных и изобразительных средств, совершенствование поэтики. Тема расширяется в контексте поэзии рассмотренных авторов, в чьих произведениях отражается художественно-эстетический опыт русской и национальных литератур в диалоге этноментального и общекультурного.

Примечания:

1. Маслова В. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004. С. 32.
2. Аверенцев С.С. Вода // Мифы народов мира: в 2 т. Т. 1. Москва, 1980. С. 240.
3. Есенин С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Москва, 1966-1968.
4. Хазан В.И. Проблемы поэтики С.А. Есенина. Москва; Грозный, 1988. С. 84-90.
5. Суюнчев А. Стихотворения и поэмы. Ставрополь, 2003. 320 с.
6. Бештоков Х.К. Каменный век: роман-миф // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. № 5. С. 58-116.
7. Хубиев Н. Лавина. Стихи: пер. с карачаевского. Москва: Современник, 1975. 77 с.
8. Батчаев М.Х.-К. Солнце светит всем. Москва: Эльбрусид, 2012. 496 с.

References:

1. Maslova V. Cognitive Linguistics. Minsk, 2004. P. 32.
2. Averentsev S.S. Water // Myths of the peoples of the world: in 2 vol. Vol. 1. Moscow, 1980. P. 240.
3. Esenin S. Collection of works: in 5 vol. Vol. 3. Moscow, 1966-1968.
4. Khazan V.I. Problems of poetics of S.A. Esenin. Moscow; Grozny, 1988. P. 84-90.
5. Suyunchev A. Verses and poems. Stavropol, 2003. 320 pp.
6. Beshtokov Kh.K. The Stone Age: a myth-novel // Literary Kabardino-Balkaria. 2005. No. 5. P. 58-116.
7. Khubiev N. Lavina. Poems: transl. from Karachay language. Moscow: Sovremennik, 1975. 77 pp.
8. Batchaev M.Kh.-K. The sun shines to everyone. Moscow: Elbrusoid, 2012. 496 pp.